

* * *

Е. К.

Это все набухают на ветках почки!
Это все щебечут над ухом птички!
Это люди уходят поодиночке,
как в обугленных шляпах худые спички.

Я и сам не чувствую облегчения,
я всю зиму мучил стихотворение.
Получилось хуже, чем ожидалось:
жизнь ушла на вдохе, судьба – осталась.

Так и что теперь, не писать ни строчки,
чтобы вдруг никакой не случилось стычки?
Приглядеться если – видны листочки,
восхищаются жаворонки, синички.

* * *

Уже не человека – пленника
Иных, заоблачных миров –
Спросил: «Позвать тебе священника?»
Отец кивнул без лишних слов.

Ведет дорога на закланье
Рабов Твоих в глухой тупик,
Чтоб для последнего свидания
Прийти в сознание на миг.

И длится до реанимации
Смертельный бой – предсмертный час.
А что не в силах попроситься мы,
Так – то не главное сейчас.

* * *

Сергей Сергеевичу Романову

Выучил чиновничий язык.
Он как птичий к небу прилипает,
сорный вытесняет борщевик,
говорит о том, чего не знает.

Клерк типичный, вросший в конеляр,
все на нем щебечет как по нотам.
Не отчет выходит – мемуар,
на потеху судьям, идиотам.

«Косогов В. Н., рожденный в
г. Железногорске (подсудимый –
далее по тексту). Он вины
не признал. Но факт неоспоримый:

рано утром, с четырех до пол-
девятого, записывает знаки
(вставлена шифровка в протокол,
будет взят анализ на филфаке)».

И уже другой напишет клерк,
препод с недосыпом под глазами:
«Косогов – ничтожный человек,
только вы его судите сами».

* * *

Саре Зельцер

Слава Богу, смертно это тело.
Значит, прекратится в тот же миг
Боль в груди, что жгла осатанело,
С губ срывала первобытный рык.

Кто концовку выдумал? С улыбкой
На лице чтоб я сошел на нет.
Стал орфографической ошибкой,
С этим светом тот рифмуя свет...